

О ПОНЯТИИ “КАВКАЗ”

(геополитический аспект)

Кавказ, до недавнего времени входивший в единое политическое пространство СССР, ныне стал ареной взаимодействия и столкновения различных геополитических и экономических интересов. В отличие от других отделившихся регионов СССР - Прибалтики, Центральной Азии, западнославянской части СССР - правовое и политическое положение кавказских стран относительно мирового сообщества оказалось неоднородным.

Кавказ утратил свою политико-правовую и социально-экономическую целостность. Северный Кавказ находится под юрисдикцией Российской Федерации. Из трех так называемых закавказских республик, получивших политическую независимость, две – Азербайджан и Грузия, ориентирующиеся на Запад, сотрясаются внутренними этно-политическими конфликтами, в которых этнические меньшинства пользуются покровительством бывшей метрополии. Армения же, являясь фактически сателлитом России, продолжает проводить ее политику на Кавказе.

Сегодня Кавказ, как кладовая богатых природных ресурсов, центральное звено “Шёлкового пути”, транспортный коридор для перевозки каспийской нефти и газа на мировые рынки, а также, как регион, непосредственно вовлечённый в процессы реформирования России, привлекает особое внимание мировой общественности и политиков.

При всем богатстве мнений о нынешней ситуации на Кавказе и перспективах развития интеграционных процессов в регионе, ключевым остается вопрос о том, сохраняют ли силу традиционные (российские) факторы, определяющие сложную судьбу Кавказа, или они уступают новым стратегическим приоритетам. Все богатство мнений сводится к двум основным позициям:

1. Единый Кавказ в новой политической системе отношений;
2. Будущее Кавказа представляет собой новую модификацию старой интеграционной модели.

Анализ существующих моделей интеграции Кавказа позволил выделить следующие основные группы:

- Модели “Кавказского общего дома”, включающего автономные республики Северного Кавказа и независимые государства Кавказа (некоторые авторы “КОД” предполагают, что автономные республики Северного Кавказа должны участвовать в этой модели как независимые государства).

- Модели, объединяющие независимые государства Кавказа – Азербайджан, Грузию и Армению;

- Модель “3+1”, объединяющая независимые республики Кавказа и Россию;

- Субглобальные модели, включающие три независимых кавказских государства, три сопредельные страны и другие мировые державы (“3+3+2”).

Во всех этих моделях есть интересные моменты, и аргументы авторов в пользу жизнеспособности своих проектов звучат весьма убедительно. Однако, все они до сих пор остаются абстрактными, их реализация по различным объективным и субъективным причинам не происходит, несмотря на то, что идея кавказской интеграции активно поддерживается мировым сообществом. Имеющиеся модели страдают одним недостатком - неадекватным видением всей проблемы кавказской интеграции, ее структуры, механизмов и иницирующего ядра, не позволяющим им стать полноценной концептуальной основой практических действий по запуску социально-экономического механизма интеграции.

Разработка реальной модели кавказской интеграции, которая может быть положена в основу практических действий в этом направлении, предполагает определение места и роли Кавказа в мировом политическом пространстве с учетом глобальных и региональных изменений, а также переосмысления понятийного аппарата и преодоления стереотипного способа политико-географического деления Кавказа.

Современное содержание геополитического понятия “Кавказ” своими корнями уходит в XVII-XIX вв. – периоду завоевания Кавказа Россией. Именно тогда началось деление на Кавказ и Закавказье (за Кавказом). Позже, для обозначения территорий к северу от завоеванного Закавказья вводится понятие “Северный Кавказ”.

Однозначно, категория “Закавказья” была продуктом российской внешнеполитической концепции, которая отражала подход метрополии к политико-административному делению завоеванного региона. При этом интересы народов региона, а также исторически сложившиеся в регионе экономические, культурные и иные связи зачастую приносились в жертву интересам империи. Более того, категория “Закавказье” предполагала, что территории, находящиеся южнее Большого Кавказского хребта, не относятся к собственно Кавказу, располагаются за ним, т.е. вне его. Это было выражением и, в некото-

рой степени, достижением политической цели Российской империи в кавказском регионе – разделение народов, проживающих в северной и южной частях завоеванного Кавказа.

Несомненно, категория “Закавказье” несла в себе не просто географический, а геополитический смысл. Это видно, хотя бы из того, что “Закавказье” простиралось только до южных государственных границ Российской империи в кавказском регионе и меняло свои границы вместе с ними. Так, в конце XIX века, после того, как Карсская область Османской империи была завоевана Российской империей, она считалась составной частью Кавказа. Однако, после потери Россией Карса, Ардагана и Баязета в российских политических и исторических документах они перестали упоминаться как кавказские. Эти области, провозгласив независимость, в ноябре 1918 года создали “Юго-западную кавказскую (Карсскую) демократическую республику”.

Отражая существующую геополитическую реальность, а именно, абсолютное доминирование России в кавказском регионе, категория “Закавказье” использовалась вплоть до начала 90-х годов XX века.

Первой попыткой отказа от “российской” модели геополитического деления региона стала замена категории “Закавказья” на более корректную – “Южный Кавказ”, включающую все те же республики – Азербайджан, Армению, Грузию. Но следует подчеркнуть, что понятие “Южный Кавказ”, также, как и предшествовавшее ему “Закавказье”, несет в себе “российский” геополитический смысл, поскольку охватывает ту часть региона, которая добилась независимости от России (СССР), в отличие от Северного Кавказа, оставшегося в составе Российской Федерации. Деление Кавказа на две части проводится, опять таки, в соответствии с границами между Россией и независимыми странами Кавказа. Не случайно, что термин “Южный Кавказ” вошел в обиход и утвердился с момента распада СССР, отражая тем самым важный аспект новой геополитической ситуации на Кавказе – возникновение здесь трех независимых государств.

Это событие способствовало развитию государственности наиболее крупных кавказских народов, открыв пути к их консолидации, и заложило надёжный фундамент для построения единого Кавказа.

В связи с этим, следует уточнить смысл понятия “кавказское государство”. Прежде всего, как и всякое другое, это государство должно отвечать критериям государственности. Во-вторых, оно должно территориально располагаться на Кавказе. В настоящее время перечисленным условиям полностью соответствуют только Азербайджан и Грузия, а Армения, хотя и является государством, но в связи с тем, что территориально расположена вне Большого Кавказа, ее однозначно считать “Кавказским государством” нельзя. Что касается России, то это государство может считаться сопредельным с кавказским регионом, поскольку лишь малая часть его территории относится к Кавказу.

В свете этого можно выделить еще одну смысловую нагрузку понятия “Южный Кавказ”. Это, возможно, не вполне осознанное стремление подчеркнуть кавказскую природу трех “южнокавказских” государств в отличие от России, постоянно претендующей на статус “Кавказского государства” с определенной геополитической подоплекой.

Тем не менее, термин “Южный Кавказ” в нынешнем

его значении не отражает сущность и содержание геополитических процессов, происходящих на Кавказе. По существу, здесь имеет место механическая замена одного названия другим в рамках прежней, “российской” модели структуризации Кавказа, делящей его на Северный и Южный (Закавказье) в пределах постсоветского пространства. Эта модель страдает, на наш взгляд, двумя основными недостатками. Во-первых, она изжила себя, поскольку исчезла ее основа – монопольное доминирование России на Кавказе. Во-вторых, указанная модель базируется на неверном отражении исторически сложившихся социально-экономических, социокультурных и этнических параметров Кавказа. Речь идет о неправомерном сужении этих параметров за счет того, что в пределы Кавказского региона не включаются северо-восточные области Турции (илы Карс, Ардаган, Артвин, Игдыр и др.) и северо-западные области Ирана (останы Восточный Азербайджан и Западный Азербайджан). Указанные области исторически (до завоевания Россией Кавказа) находились в одном социально-экономическом и этнокультурном ареале, где и в настоящее время проживают в основном кавказские народы, что позволяет считать их “кавказскими” областями этих стран, как и кавказский регион России (Северный Кавказ).

Исходя из вышесказанного, нам представляется возможным предложить следующий способ структуризации Кавказского региона:

1. Центральный Кавказ, включающий три независимых государства – Азербайджан, Грузию, Армению;
2. Северный Кавказ, состоящий из приграничных автономных государственных образований Российской Федерации;
3. Южный Кавказ, включающий приграничные с Азербайджаном, Грузией и Арменией илы Турции (Юго-Западный Кавказ) и северо-западные осланы Ирана (Юго-Восточный Кавказ).

Предлагаемый вариант, основанный на исторически сложившейся специфике Кавказа как социокультурного образования, на наш взгляд, наиболее соответствует современной геополитической реальности в регионе, охватывает все его составные элементы (страны, области, автономные образования). Тем самым, деление Кавказского региона на центральную, северную и южную части позволяет наметить принципиально новые, реальные пути развития интеграционных процессов на Кавказе. Вместе с тем, необходимо отметить особое (двойственное) положение Армении в предложенной модели деления пространства Кавказа. В этой модели она включена в состав Центрального Кавказа тогда, как ее также можно было бы включить в состав Южного Кавказа, в виду того, что она как Юго-Восточный Кавказ (останы Ирана) и Юго-Западный Кавказ (илы Турции), находясь вне Большого Кавказа, равно удалена от него, т.е. территория Армении географически расположена на Южном Кавказе. Однако, учитывая, что в советский период (1920-1990 гг.) Армения имела развитые социально-экономические отношения с Грузией и Азербайджаном в составе Закавказского экономического района СССР и в настоящее время имеет примерно равные политико-правовые и социально-демографические параметры, в отличие от составных элементов региональных держав (Северного и Южного Кавказа), а также то, что мировое сообщество уже рассматривает Армению в группе “южнокавказских”

стран как однотипные государства, мы включили ее в состав Центрального Кавказа, с учетом определенных условий.

Предложенная методология определения параметров и структуры социально-экономического пространства Кавказа в отличие от традиционных подходов, охватывающих лишь территории постсоветского пространства (Северный Кавказ и Закавказье), предполагает также включение северо-западных областей Ирана и восточных областей Турции. На первый взгляд, может показаться, что это еще более усложнит и без того архисложную геополитическую картину региона. Однако, именно такая постановка вопроса позволяет восполнить целостность Кавказа “недостающими элементами” и тем самым достичь динамичного, стабильного и системного развития интеграционных процессов во всем регионе, т.е. мы предлагаем модель интеграции Кавказа (“3+3”), объединяющую независимые государства Центрального Кавказа (Азербайджан – Грузия – Армения) и региональные державы (Россия – Турция – Иран).

Оценка современной геополитической картины Кавказа в рамках предложенной модели позволяет более точно определить общественно-политические предпосылки интеграции всего региона, выделить существенные социально-экономические отношения между его составными.

Кавказ, как целостный социально-экономический объект всегда находился и продолжает находиться в сфере особых интересов региональных держав – Ирана, Турции и России, каждая из которых, имея свои интересы в этом регионе

и по-своему представляя себе его целостность, влияла и влияет на процесс интеграции кавказских государственных образований и темпы их развития посредством своих политико-правовых и экономических рычагов. Вместе с тем, соотношение сил региональных держав периодически менялось, и каждый раз в регионе доминировала лишь одна из них. Последним таким “монополистом” была Россия.

Сегодня, когда бывшие закавказские республики получили государственную независимость, а региональные державы одновременно на равных правах подключены в общекавказские интеграционные процессы, Кавказ из “яблока раздора” превращается в область, где могут быть согласованы интересы всех региональных держав. Появляется реальная возможность разрешения существующих конфликтов и проблем на Кавказе. В результате, значительно повышается вероятность реализации существенных интересов региона в целом и каждого из его частей в отдельности, что в свою очередь, будет способствовать органической интеграции Кавказа, до сих пор не вовлеченного, но функционально значимого субъекта мировой экономики, в “глобальное общество”. ■

*Эльдар ИСМАИЛОВ,
директор Азербайджанского института
стратегических исследований развития Кавказа
Зия КЕНГЕРЛИ,
магистр Бакинского государственного университета*